

Ф.С. Дзучева

ПЕРЕВОД КЛИШЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ. ЕЩЕ ОДНА МИССИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ф.С. Дзучева*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые внутриязыковые причины отставания языков этнических меньшинств и обосновывается актуальность разработки новой разновидности лексикографических справочных материалов, а именно больших переводных электронных словарей клише, организованных по тематическому принципу.

Ключевые слова: этнические меньшинства, клише, коллокации, права языков.

Проблема сохранения языков малочисленных народов как важнейшего фактора сохранения их этнокультурной специфики обсуждается специалистами самых разных профилей, удрученных повсеместно наблюдаемой картиной угасания то одного, то другого языка.

Очевидно, что внешними катализаторами процесса исчезновения языков и культур являются два взаимосвязанных и взаимообусловленных фактора: 1) гиперактивный научно-технический и технологический прогресс; 2) глобализация [5; 6].

Эти процессы совершенно естественны исторически и, как считается, абсолютно позитивны, однако за них приходится платить очень высокую цену. Первыми жертвами в этой ситуации становятся культуры малочисленных этносов, а попытки наивных энтузиастов сохранить свою этническую идентичность неизбежно сталкиваются с экономической нерентабельностью затрат на поддержание, а главное, развитие языка, самого важного элемента, интегрирующего и консервирующего эту самую культурную специфику.

Существование языковых войн (где пленных не берут!) ученые отмечали давно, а обыватели остро почувствовали и осознали в конце XIX – начале XX века. Тогда же был поставлен вопрос о создании искусственного языка межнационального общения, ибо совершенно ясно, что победа в этой войне любого естественного языка неизбежно означает доминирование в целом всего культурного кода и ценностей носителей языка-победителя, при постепенной полной утрате культурных маркеров этноса – носителя побежденного языка.

Вообще говоря, опасность выдавливания национальных кодов из собственной культурной среды осознают даже носители русского, французского, немецкого и других развитых европейских языков, которые с каждым годом уступают все больше позиций английскому языку, наиболее общепризнанному lingua franca современного мира.

Положение многократно усугубляется для тех обществ, которые, в силу исторически сложившихся обстоятельств, не имеют своей государственности, будучи территориально и политически частью другого государства, где языком межнационального общения является естественный язык другого, значительно более многочисленного этноса.

В подобной ситуации исчезновение языка малочисленного этноса нередко происходит с огромной скоростью, в течение жизни всего одного-двух поколений, в случаях особенно агрессивного наступления языка более многочисленного титульного этноса страны через комплекс различных каналов (СМИ, кинематограф, различные образовательные и другие интегрирующие программы).

Приведу абсолютно типичный для моего поколения собственный пример утраты высокой степени спонтанной языковой компетенции. Осетинский язык был для меня родным в раннем детстве, когда я еще не знала ни одного русского слова, зато весьма бойко говорила по-осетински. В школе незнание русского языка стало для меня серьезным препятствием на пути к образованию. Мне пришлось срочно переключиться на код другого этноса, чтобы не отстать в учебе и снискать уважение и одобрение окружающих. При этом родной язык постепенно терял свой цвет и аромат, пока, наконец, не атрофировался как средство моего естественного мышления, моего самовыражения.

Причина ясна – мой родной (по рождению) язык не стал для меня языком, через посредство которого я получала бы и получаю новое знание о мире.

Звучит достаточно пессимистично, но логика – вещь суровая, несентиментальная, и она, к несчастью, такова, что в обозримом будущем существует совершенно реальная опасность исчезновения языков малочисленных этносов. Уходят поколения людей, которые на родном языке действительно думают и говорят свободно. Умирает традиция, достойная лучшей участи.

* Дзучева Фатима Сафарбековна – к. ф. н., доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ (lamardoinag@mail.ru).

Осознание значимости сохранения культурного многообразия на Земле побудила ЮНЕСКО и другие международные общественные организации принять (по аналогии с Декларацией прав и свобод личности) Декларацию прав культур (UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity), согласно которой любая культура сколь угодно малочисленного этноса имеет равные права с культурами более многочисленных культурных сообществ [7]. Более того, она имеет право рассчитывать на более масштабную и всестороннюю международную моральную и финансовую поддержку.

Будем надеяться, такой подход будет способствовать сохранению языков малочисленных этносов, и их жизнь станет гармоничнее и полнее от сознания правильности мироустройства.

В то же время, как представляется, проблема заключается не только в том, чтобы выделить максимально возможное количество часов на изучение родного языка или обеспечить каждого представителя этнического меньшинства качественной учебной литературой на родном языке, хотя и это очень актуально. Существует и другая, не столь очевидная даже для носителей языка, но весьма важная проблема, связанная с тем, что не все языки обладают одинаковыми возможностями для трансляции смыслов.

Сама констатация этой проблемы может вызвать бурю протестов, так как и тень сомнения в способности абсолютно всякого языка адекватно передать любые тончайшие смысловые нюансы крамольна и неполиткорректна в недопустимой степени. Однако это утверждение истинно по сути.

Можно согласиться, что потенциал любого языка неограничен. И все-таки, когда даже человек, достаточно хорошо, по нынешним меркам, владеющий, например, осетинским языком, но получивший свое образование на русском или ином языке (например турецком, арабском, грузинском), говорит по-осетински, процесс порождения речи производит впечатление движения основательно заржавевшего механизма.

Причина этой беды заключается в сложном взаимодействии внешних и внутриязыковых обстоятельств.

В контексте данной дискуссии более резонным представляется остановиться на внутриязыковых причинах отставания языков, важнейшие из которых, по-видимому, связаны с особенностями существенно эволюционизировавшего процесса мышления в современном мире, где информация распространяется в сети со скоростью сотен мегабит. Мышление современного человека с необходимостью предполагает:

а) оперирование очень сложными и все более отвлеченными категориями;

б) вовлечение, за счет этого, в процесс мышления большого количества сложнейших понятий и

их сочетаний, зачастую в «свернутом» виде, когда каждое или почти каждое понятие «покоится» на огромной массе пресуппозиций;

в) очень высокую, вследствие этих обстоятельств, скорость выполняемых мыслительных операций в единицу времени.

Иными словами, чаще всего мы мыслим целыми комплексами когнитивных структур, каждая из которых до предела заряжена сложными понятиями, складывающимися в процессе мышления в замысловатые конфигурации смыслов [1].

Важно понимать при этом, что в процессе оперирования этими понятийными комплексами мы используем не столько отдельные лексемы, сколько воспроизводимые с разной степенью регулярности готовые словосочетания, кодирующие понятия разных областей знания.

Надо сказать, исследователи обращали внимание на наличие, особенно в текстах научного, научно-популярного и публицистического содержания, большого количества словосочетаний, функционально «приближающихся» к терминологическим сочетаниям [4, с. 172–182].

Нами было проведено небольшое исследование, в процессе которого было осуществлено членение английских и русских спонтанно продуцированных монологических текстов неспециального содержания на предмет выявления содержащихся в них структурных и семантических ассоциаций. Анализ структурных и смысловых ассоциативных цепочек, образующих эти тексты, убеждает в том, что, действительно, в процессе мышления мы пользуемся сочетаниями словосочетаний, формируемыми готовые блоки информации, кодирующими определенные смысловые узлы, которые в совокупности создают в тексте целую сеть, сложнейшую систему разноуровневых структурных и семантических проекций.

Такие хорошо развитые языки, как английский или русский, имеют огромный арсенал не только слов, но и словосочетаний, способных обслуживать запросы мыслительных процедур подобной степени сложности.

Язык осетин, сильно ограниченный в сферах употребления, не осваивая новые понятия, не обогащаясь, безнадежно застрял в арьергарде и смещается на все более отдаленную периферию арены развития человечества (в том числе интеллектуальной).

Вполне понятное нежелание отставать, оставаться за пределами магистральной стези развития, побуждает осетин переключаться на значительно более эффективно и адекватно отвечающий современным вызовам русский язык.

Общеизвестно, что влияние русского языка на всем протяжении взаимодействия русского и осетинского этносов огромно, ибо именно через русский язык осетины, не покинувшие свою истори-

ческую родину во время миграций XIX – начала XX веков, открыли для себя культурные просторы мира.

Однако это стремление амбициозных в своей массе осетин интегрироваться в мировой культурный контекст в XX веке (особенно начиная с 50-х годов) побудил абсолютное большинство родителей (этнически «чистых» осетин) требовать, чтобы их дети обучались в так называемых «русских классах», где весь образовательный процесс происходил на русском языке. В результате мы имеем вышеописанную ситуацию с родным языком.

Но если русский язык таким образом в свое время невольное вытеснил осетинский из обихода, то в настоящее время, в контексте новейших образовательных технологий, позволяющих достичь реальной полилингвальности, именно русский язык способен скорректировать негативные процессы, происходящие конкретно с осетинским языком.

Что можно сделать на этом пути?

Во-первых, следует признать, что существующий в настоящее время арсенал клише осетинского языка действительно не способен обслуживать мышление современного человека (оставим в стороне формулы обращения, застольные тосты, благопожелания и другие изысканные ритуализованные речевые комплексы, в которых осетины явно не испытывают недостатка).

Печальным показателем такого положения дел служит то, что самый репрезентативный словарь осетинских фразеосочетаний З.Г. Дзэбиева [3] содержит менее десяти тысяч единиц, в то время как аналогичные словари развитых языков включают, в среднем, пятьдесят и более тысяч статей.

Во-вторых, полезно осознать, что пополнение словаря клише осетинского языка за счет заимствований из других языков вполне целесообразно и реально осуществимо.

В этом смысле велик потенциал переводческой деятельности.

По сути, стихийные процессы заимствования, осуществляемые через различные переводческие процедуры из языка межнационального общения, происходят давно и регулярно, хотя с разной степенью интенсивности в разные периоды культурного развития этносов.

При этом калькирование или иные способы перевода на уровне отдельных лексем до сих пор были значительно более успешны [2] по сравнению с переводом речевых клише. Некоторые тексты, опубликованные в республиканской осетиноязычной газете «Рæстдзинад», напоминают тексты газеты «Moscow News» советских времен. В особенной степени это относится к переводам на осетинский язык очень важных, но ранее уже опубликованных в различных русскоязычных СМИ документов как правительства РФ, так и РСО-А. Эти тексты, «доставляющие» информацию «вторичного» характе-

ра, часто содержат достаточно неуклюже выполненные кальки с русского языка и, соответственно, фиксируют ассоциативные цепочки, характерные именно для русского языка, которые подчас плохо вписываются в семиотическую систему осетинского языка. Стоит ли удивляться, что у этой категории переводов практически нет аудитории?

Между тем стихийный процесс заимствования иноязычных слов и словосочетаний можно и должно оптимизировать: упорядочить, направить и ускорить. Для этого, помимо прочего, важно создать словари нового типа. И прежде всего необходимы русско-осетинские тезаурусные словари коллокаций разной степени клишированности.

При этом в качестве языка-донора может выступать не только русский, но и любой другой язык. Целесообразность вовлечения и других языков в процесс пополнения словаря осетинского языка очевидна из следующего примера. В одной из переведенных с русского языка статей, опубликованной в вышеуказанном осетинском издании, содержалось словосочетание «одностороннее мышление». Переводчик, недолго думая, предложил кальку: «иуфарсон зондахаст». Адекватность данного перевода вызывает сомнения, т. к. семантические структуры осетинской лексемы «фарс» и русской лексемы «сторона» во-многом не совпадают: осетинское слово обозначает, в том числе, и соматизм (причем обозначающий часть туловища, а не головы), из-за чего значение предложенной переводчиком кальки становится не вполне понятным и к тому же вызывает ненужные ассоциации. Между тем, например, в английском языке есть словосочетание «one-eyed mind», которое отлично вписывается в осетинский язык, тем более что среди персонажей осетинского эпоса есть «сохъхъыр уæиг» (одноглазый великан, циклоп), не отличающийся гибким умом и широким кругозором. Предложенный нашими информантами вариант «сохъхъыр зонд» заслужил одобрение носителей осетинского языка и был «подхвачен».

Возникает закономерный вопрос о том, из каких источников черпать осетинские соответствия русских клише, если учесть, что художественная осетиноязычная словесность в настоящее время переживает «мертвый сезон», а творческое вдохновение этнических осетин все чаще воплощается в прекрасные произведения русской словесности (яркие примеры – поэзия Тимура Кибирова, проза Руслана Тотрова).

Думаю, что при существующем положении дел вполне допустимо абстрагироваться от некоторых требований негласного кодекса лексикографа. В частности, одно из этих правил гласит, что в словарь можно вносить лишь коллокацию, которая не менее трех раз встретилась исследователю в печати. Думается, в ситуации с осетинским языком, который не только перестал развиваться, но и ока-

зался на грани полного исчезновения, необходимы радикальные и срочные меры.

Таким эффективным мероприятием может стать не постепенное, стихийное, естественное заимствование, а единовременный, специально организованный перевод понятий современного человека, массированный вброс иноязычной лексики, выполненный командой высококвалифицированных специалистов. Это может впрыснуть в умирающий язык новые соки, сделать его более адекватно оснащенным для того, чтобы справляться с актуальными современными задачами, и даже, возможно, приостановить его стремительное вступление в терминальную фазу своей истории.

Понятно, что такое мероприятие выглядит как рискованная и дорогостоящая авантюра, но истории известны примеры успеха подобного рода мер (достаточно вспомнить общеизвестный факт сознательно направленной реформы «сверху» турецкого языка в начале XX века, которая, при всей дискуссионности ее целесообразности с точки зрения пуристов, помогла турецкому этносу осуществить мощный скачок в своем развитии и вписаться в культурные процессы на всем пространстве как ориентального, так и западного мира).

В связи с изложенным архиважно, чтобы при составлении тезаурусных переводных словарей принимались в расчет клише разной степени фразеологизированности. Неидиоматические клише целесообразно включать в тезаурусные словари наряду, например, с собственно идиомами. Необходимость учета как идиоматических, так и неидиоматических коллокаций осознается сегодня многи-

ми исследователями. Однако пока еще, насколько нам известно, не существует энциклопедических лексикографических (даже одноязычных, не говоря уже о переводных) изданий, в которых можно было бы найти максимально репрезентативный синхронный набор коллокаций каждой лексемы в рамках данного ЛСП (лексико-семантического поля).

Понятно, что собрать такое количество клише в одном, даже многотомном энциклопедическом печатном издании практически невозможно, да и нецелесообразно. Это должны быть электронные словари, которые могут вобрать в себя бесконечное множество клише языков-доноров и языка-реципиента.

Задача создания таких словарей для всех исчезающих языков, конечно, очень трудоемка и требует существенных финансовых затрат, но их потенциальный животворящий эффект несомненен. При наличии таких словарей любой, например этнический осетин, будет иметь возможность создать тексты, не вызывающие отторжения у читателей/слушателей, действительно понимающих и чувствующих свой родной язык.

Сегодня существуют и некоторые предпосылки, благоприятствующие осуществлению этой масштабной задачи: созданы и постоянно пополняются корпуса осетинского и некоторых других языков нетитульных этносов России; уже существует ряд электронных конкордансов выдающихся авторов, а также эпосов младописьменных языков; доступны электронные версии большинства вновь создаваемых или переиздаваемых других, традиционных разновидностей словарей и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. 592 с.
2. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. – Владикавказ, ИПО СОИГСИ, 2011 687 с.
3. Дзэбиев З.Т. Фразеологический словарь осетинского языка. – Цхинвал, 2004.
4. Туткова О.И. Рекуррентные языковые единицы в институциональной коммуникации // Вестник МГЛУ. Выпуск 9 (695)/2014 Языкознание. Актуальные проблемы литературного перевода. С. 172–182.
5. Bruthiaux, Paul. (2008). «Language rights in historical and contemporary perspective» // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 30(1), p. 73–85.
6. May, S. (2012) Language and Minority Rights: Ethnicity, nationalism and the politics of language, New York: Routledge [Электронный ресурс]. – Режим доступа: en.wikipedia.org/advanc.io/wiki/Linguistic_rights
7. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www1.unm.edu/humanrts...Rculturaldiversitydecl.html

TRANSLATION OF CLICHÉS AS A MEANS OF ETHNIC MINORITIES LANGUAGES DEVELOPING. ANOTHER MISSION OF RUSSIAN LANGUAGE

F.S. Dzutseva

PhD, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova. Russia, Vladikavkaz (lamardoinag@mail.ru)

Abstract. The paper features some intralinguistic factors disabling the development of ethnic minorities' tongues. It also substantiates the urgent need for a new type of electronic bilingual thesaurus dictionaries to face the challenges of the day.

Keywords: ethnic minorities, clichés, collocations, language rights:

REFERENCES

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika. – М.: FLINTA: Nauka, 2007. 592 s.
2. Gatsalova L.B., Parsieva L.K. Bol'shoy russko-osetinskiy slovar'. – Vladikavkaz, IPO SOIGSI, 2011 687 s.
3. Dzabiev Z.T. Frazeologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka. – Tskhinval, 2004.
4. Titkova O.I. Rekurrentnye yazykovye edinitsy v institutsional'noy kommunikatsii // Vestnik MGLU. Vypusk 9 (695)/2014 Yazykoznanie. Aktual'nye problemy literaturnogo perevoda. S. 172–182.
5. Bruthiaux, Paul. (2008). «Language rights in historical and contemporary perspective» // Journal of Multilingual and Multicultural Development, 30(1), p. 73–85.
6. May, S. (2012) Language and Minority Rights: Ethnicity, nationalism and the politics of language, New York: Routledge [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: en.wikipedia.org/advanc.io/wiki/Linguistic_rights
7. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: www1.unm.edu/humanrts...Rculturaldiversitydecl.html